

ОКтябрьская революция 1917 года и обобществление собственности (политико-философский аспект)

А. А. Чанышев

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

В самом общем виде воспроизведена логика социалистического учения по вопросу о необходимости изменения формы собственности и представлены исторические условия начала XX столетия, в которых большевистское руководство рассматривало обобществление как насущную задачу практической послеоктябрьской политики и которые одновременно определили радикализм в решении вопроса о собственности в России. Под сомнение поставлен тезис об «исторической ошибке» такого решения вопроса собственности как противоречащий факту результативности строительства социализма в СССР. Поставлена задача определения позитивного мотивационного кода, который был «активирован» обобществлением и социалистическими преобразованиями в целом. С этой целью даны основные моменты исторического генезиса института собственности, которые затем в «снятом виде» образуют семантику соответствующего понятия, и рассмотрен ряд историко-теоретических конструкций представления о собственности. В этой связи производится попытка уточнения самого понятия «собственность». Сделан вывод о том, что данное понятие шире понятия «частная собственность», в том числе потому, что существует изначальный, первичный смысл *своего* (того, что не находится во владении лица, а, наоборот, владеет им), который глубже значения физической и юридической принадлежности. Именно эта глубинная ипостась *своего* и была, по-видимому, мотивационным кодом и смысловым основанием возможности легитимации «общественной собственности» в рамках социальной революции, начало которой положил октябрь 1917 г.

Ключевые слова: собственность, владение, частная собственность, обобществление собственности, западная традиция права, рыночная экономическая система, общественный контроль над экономической системой.

Октябрь 1917 г. открыл перспективу социалистического строительства, означая тем самым революционную перекодировку основных смысло-жизненных конструкций человеческого существования и, в частности, такой фундаментальной, как собственность. Можно сказать, что революция прежде всего предполагала трансформацию, обобществление собственности. Целевая задача проекта обобществления — решение «социального вопроса», т. е. такого положения дел, когда рост производства не ведет к освобождению «человека труда» (непосредственного производителя), но парадоксально приводит ко все большему его отчуждению и обнищанию, и не только относительно, но даже

абсолютному. Согласно логике социалистической мысли, непосредственная причина такого положения дел — в неэквивалентном обмене. В свою очередь, глубинный источник этого — частнокапиталистическое присвоение в условиях, когда «капитал не личная, а общественная сила» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 439). Соответственно, ключ к решению означенного вопроса виделся в изменении «способа соединения рабочей силы со средствами производства» на основе обобществления собственности. Еще одной теоретической предпосылкой установки на смену формы собственности была социально-критическая логика сведения собственности к *отношению между людьми*. Момент *отношения к вещи*, (о)владения ею субъектом как проекция воли-активности последнего на объект (соответственно значимости *персонифицированной* собственности¹) уходил на задний план или вообще элиминировался как архаичный² и потому несущественный и/или (идеологически) искажающий существо явления³.

Выше дан лишь общетеоретический контур обоснования необходимости изменения формы собственности, самая общая логика социалистического учения по данному вопросу, без адаптации к историческим условиям начала XX в. и российским реалиям того времени. Если же говорить об обобществлении как насущной задаче практической послеоктябрьской политики большевиков в России, то по крайней мере следует отметить ряд специфических обстоятельств, определивших известный *радикализм* в решении вопроса о собственности. Ленин накануне октября 1917 г. в работе с характерным названием «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», определяя экономическую платформу большевизма, наметил обширнейшую программу социалистического обобществления⁴ как безальтернативную основу выживания и развития страны. Он писал:

---

¹ Речь идет о неизбежности при ликвидации (*Aufheben*) частной собственности уничтожения личности «буржуазного собственника», по выражению авторов «Манифеста» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 440).

² Маркс, характеризуя добуржуазную собственность, «*добржуазное* отношение индивида к объективным условиям труда», пишет: «Его *собственность*, т. е. отношение к природным предпосылкам его производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, опосредствована тем, что он сам является естественным членом общины. <...> *Собственность* означает... первоначально не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства как принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием*, — отношение к ним как природным предпосылкам его самого, образующим, так сказать, лишь его удлиненное тело» (Маркс, Энгельс, 1968, с. 276–278).

³ Согласно марксистской логике, в рамках частнособственнических отношений следствием экономического отчуждения необходимо становится такое положение вещей, когда не субъект является сувереном в отношении вещи, но вещь господствует над человеком, «овеществляя» его сознание (абстрактные понятия иллюзорно приобретают статус якобы реально существующих квазиматериальных объектов), и личность, непосредственный производитель, превращается в «овеществленное» орудие производства.

⁴ 1. Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями, или национализация банков. 2. Национализация синдикатов, т. е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.). 3. Отмена коммерческой тайны. 4. Принудительное синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще. 5. Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним.

«...либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически <...> Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (Ленин, 1969, с. 161, 198). В 1931 г. Сталин вторит ленинским словам в рамках уточнения задач первой пятилетки по реализации плана форсированного развития: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1951, с. 38).

К факторам, определившим радикализм форм и методов обобществления, наряду с потребностью проведения форсированной модернизации общества «позднего старта» и к тому же в стране, разоренной и изолированной, следует добавить также бинарную структуру отечественной социокультурной парадигмы, чему соответствует максима *либо все, либо ничего* (см.: Лотман, 1992, с. 257–265; Аверинцев, 1988, с. 234–235), относительную моральную и политическую слабость позиций приверженцев и защитников частной собственности в российском обществе начала прошлого века — короны, буржуазии, либералов (см.: Weber, 1989), наконец, российскую «привычку к кнуту», которую Ленин диалектически предлагал использовать как средство к достижению вершин мировой цивилизации.

Именно жесткость и жестокость модели модернизации принято вменять в вину большевистским методам социалистического строительства, подразумевая (в либеральном варианте критики) отсутствие свободного исторического «выбора», которого, собственно, и не могло быть прежде всего потому, что произвольно и противоестественно была разрушена сама основа возможности свободы, частная собственность и, таким образом, была совершена фатальная «историческая ошибка». Однако по сути аргумент «к частной собственности» как минимум весьма поверхностен и ограничен и скрывает под собой по крайней мере одну ложную посылку. А именно то, что единственной исходной и основной формой «современного» цивилизованного ведения хозяйства и социально-политической жизни безальтернативно являются частная собственность и частный же интерес, лишь «допускающие» существование иных основ, то, что только такую форму можно считать универсально-безусловной высшей ступенью в развитии института собственности и свобод гражданского общества и потому неизбежно и справедливо вытесняющей и/или поглощающей все иные «более низкие» формы.

Вышесказанное, однако, легко оспариваемо, хотя бы потому, что в логику тезиса об «исторической ошибке» не укладывается результативность строительства социализма в СССР. Одна только жесткость и жестокость, даже вкупе с действием идеологических мифологем, в известном смысле компенсирующих болезненность человеческих издержек, не покрывают, по-видимому, содержания позитивного мотивационного кода, который был «активирован» обобществлением и социалистическими преобразованиями в целом. Что же касается выявления ошибочности тезиса о частной собственности как высшей цивилизационной форме, то понадобится, хотя бы в самом общем виде, ответить на вопрос о том, что такое собственность. Возможно, это позволит одновременно выявить ключ к вышеупомянутому коду.

Отвечая на вопрос, что такое *собственность*, кратко отметим следующее.

Сложившееся в Западной Европе к XVIII столетию понятие собственности исторически представляет собой результат слияния двух основных традиций, средневековой и древнеримской, базирующихся на весьма различных представлениях о собственности. Уже в силу одного этого обстоятельства семантика данного понятия с самого начала расплывчата и постоянно колеблется, то означая нечто универсально-общее, то принимая специализированные, конкретно социоморфные значения, включая в свой состав множество смысловых полей, содержание которых не может быть жестко зафиксировано. Это положение вещей отчасти объясняет наличие множества различных представлений о собственности, существующих и по сей день. В частности, обыденным представлениям о ней и соответствующему словоупотреблению в разговорном языке противостоит научная терминология, например юридическая и экономическая, смысл которой, в свою очередь, опять-таки каждый раз специфичен. Более того, даже в языке правоведов, в том числе и в рамках научного осмысления права, понятие собственности неоднозначно, оно сохраняет способность к изменению даже после кажущейся достаточно устойчивой юридической фиксации (ведь право и соответственно законодательство в конечном счете всегда вынуждено учитывать социальные изменения)⁵. Наконец, понятие собственности подвержено изменениям в той мере, в какой законодательные формулы могут утрачивать свою правовую независимость, попадая под влияние идеологии и испытывая воздействие государственно-политических и социальных доктрин. Вот почему любое исследование собственности всегда будет ограничено социально релевантным содержанием исследуемого понятия

---

⁵ Г. Дж. Берман отмечает, что «западная традиция права» (к которой он относит также и право российское, в том числе и «социалистическую» правовую систему советского периода; в оригинале первая часть заглавия книги Бермана звучит как “Law and Revolution”) связана с адаптивной гибкостью в сохранении своего ядра при ее изменениях, хотя бы и революционных. Он пишет, характеризуя данную черту: «...радикальная трансформация правовой системы — вещь парадоксальная, так как одна из фундаментальных целей права — обеспечение стабильности и преемственности. Более того, право — во всех обществах — получает свой авторитет извне, и если правовая система подвергается быстрому изменению, неизбежно возникают вопросы законности источников этого авторитета. В области права крупномасштабное внезапное изменение — революционное — в самом деле “неестественно”. Когда это случается, надо что-то предпринять, чтобы этого не случилось снова. Новый закон должен быть утвержден прочно, его надо защитить от опасности другого разрыва преемственности. Дальнейшие перемены надо ограничить постепенными небольшими изменениями. По крайней мере, таков был путь развития права на Западе в кильватере крупномасштабных революционных перемен, которые время от времени захлестывали его начиная с конца XI — начала XII в. Новая система права, установленная революцией, получает историческое измерение. Во-первых, считается, что эта новая правовая система исторически коренится в тех событиях, которые ее создали. Во-вторых, считается, что правовая система изменилась не только в ответ на новые обстоятельства, но также в соответствии с некой исторической моделью. Право считается историческим феноменом, оно обладает тем, что можно назвать историчностью. Оно не только должно эволюционировать, но надо видеть, как оно эволюционирует. <...> новые системы права, установленные великими революциями, изменяли традицию права, в то же время оставаясь внутри нее» (Берман, 1998, с. 32, 515).

и необходимым образом должно выявлять не только юридическое содержание этого концепта, но и всю совокупность внешних по отношению к праву значений и влияние последних на право в их исторической изменчивости⁶.

Только в той мере, в какой позволительно рассмотрение самого института права (а вместе с ним и прав собственности) в качестве своеобразного интеграла и фермента кумулятивно-исторического развития западной цивилизации, мы можем принять за исходное и вместе с тем «предельное» (идеально-типическое) определение понятия собственности наиболее развитую форму «права собственности».

Именно так поступает Р. Пайпс в своем исследовании «Свобода и собственность». Пайпс различает «владение» (*possession*) и «собственность» (*property*). Первое, по его словам, это собственность *de facto*, но не *de jure* и означает «реальное обладание имуществом, вещественным или неосязаемым, при отсутствии формального на то права» (его основой является длительный срок пользования и/или обретение по наследству, что в английском праве именуется *правом давности* (*prescription*) и осуществляется мерами физического принуждения либо молчаливой общественной поддержкой». *Владение* — исходная, архаичная форма собственности-обычая, существующая и поныне.

Собственность же в исторически развитой форме *права частной собственности* «означает формально признанное государственной властью право собственника или собственников как на исключительное, без чьего-либо участия пользование своим имуществом, так и на любой способ распоряжения им, включая продажу». На деле «это равнозначно признанию за собственником высшей власти в отношении его собственности. Понятие возникло в Древнем Риме, где то, что мы понимаем под “собственностью”, тамошние юристы называли *dominium*» (Пайпс, 2000, с. 14).

Если бегло посмотреть на основные моменты генезиса *института собственности*, которые затем в «снятом виде» образуют семантику соответствующего понятия⁷, то мы получим следующую обобщенную картину. Еще в дописьменной истории владение было связано, по-видимому, с притязаниями рода на определенную территорию, которую родовое сообщество ревниво оберегало от вторжений чужаков. Личное имущество издревле включало в свой состав жилище, оружие, орудия труда и другие предметы, скот. Возникновение в земледельческих обществах политической организации совпадает с ростом значимости владения земельными угодьями, хотя и в восточных деспотиях, и в западном античном, а затем в средневековом обществах земля по большей части была объектом условного держания. Но все же повсюду одна из первостепенных задач государства заключалась в обеспечении надежности прав владельца. Первоначально государство легализует владение, которое зиждется на силе обычного права и подкреплено ссылками на длительность держания.

---

⁶ В отечественной литературе существуют пример комплексного исследования собственности (см.: Рубаник, 2010, с. 8–226).

⁷ Подробно основные моменты истории понятия собственности изложены в статье Шваба (Schwab, 1998).

Таким образом, постепенно происходит превращение *владения* в *собственность* (см.: Пайпс, 2000, с. 156–158).

Классической Античностью собственность воспринимается социоморфно, она выступает в облики традиционного, воспроизводящегося через обычай основания человеческой деятельности. Частный интерес и богатство не имеют безусловной нравственной и политической санкции и потому полноценной «прямой» легитимации. Впервые намечки концептуализации понятия неотчуждаемого владения (признак легитимности собственности), вообще отсутствовавшего в греческом словаре, появляются в римском праве: римские юристы используют термин «господство» (*dominium*), распространяя его на землю и рабов.

В Средние века «собственность», как и право в целом, сохраняли известную «ограниченность» по отношению к фазе своего более позднего развития в Новое время. Легитимация собственности была статусной, поэтому отношения собственности носили корпоративный характер. Соответственно и само понятие собственности не было универсально-нормативным. В большей степени, чем «собственность», в ходу прилагательное «собственный». Одновременно в Средние века происходят изменения семантической структуры понятия «собственность». Источником изменений становится трансляция в позднее Средневековье из традиции римской правовой системы симметричного соответствия неограниченности права собственности и вольности собственника.

В конечном счете, однако, обобщение и универсализация поля значений понятия «собственное» в Средние века становится предысторией появления на свет понятия «собственность» в современном смысле этого слова (как неотчуждаемого и персонифицированного права владения, использования и распоряжения имуществом).

Начиная со 2-й половины XVIII в. требования свободы собственности приобрели всеобщее нормативный (и в нравственном, и в правовом отношении) характер. В Новое время окончательная кристаллизация понятия собственности фиксируется в либеральной философии права: собственник — безусловный хозяин и повелитель, он — *суверен, господин над вещами* в силу своей субъективно-частной автономии. Таким образом, утверждается принцип абсолютной власти человека над своей собственностью, что является главной манифестацией его свободы. Собственность — принципиально не ограниченная сфера развертывания активности (проективной экспансии) автономной личности.

Именно институт собственности классическая общественная мысль Запада считает связующим началом гражданского, или буржуазного, общества. По мысли Гегеля, подводящего в определенной мере итог этой традиции, в своей зрелой форме институт частной собственности, привязанный к частному интересу, представляет собой фундамент «современного» гражданского, или буржуазного, общества (*bürgerliche Gesellschaft*), представленного как система *свободной* реализации множества частных интересов и поэтому как система их *всеобщей* взаимообусловленности. При этом необходимым исходным моментом, источником движения (развития) этого общества является частный интерес как *особенный*. (Гегель специально подчеркивает невозможность

существования гражданского общества как *системы* всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости в условиях нивелировки и стертости частного интереса: «Не идет на пользу всеобщности... стягивание к ней особенности, как это, например, ощущается в платоновском государстве» /Гегель, 1990, с. 229/.) Соответственно, «защита частной собственности при помощи правосудия», т. е. в рамках, связующих частные интересы собственников общеобязательными нормами, есть условие свободы проявления частного интереса⁸. В свою очередь, принцип *личной автономии и субъективной свободы* покоится, по Гегелю, на двух историко-культурных основаниях западного мира: внутренне этот принцип возникает в *христианстве*, а внешне-правовым образом — в *римском мире* (см.: Там же, с. 232).

Подводя итог сказанному, можно отметить, что, во-первых, понятие «собственность» шире понятия «частная собственность» по историческим основаниям: в рамках одной только западной традиции и в Античности, и в Средневековье не существовало «частной собственности».

Во-вторых, первое понятие шире второго и в том плане, что «собственность» не исчерпывается правовым содержанием, но может быть рассмотрена одновременно в социальном (в широком смысле этого слова, включающем экономические, политические, моральные, психологические, социокультурные и экзистенциальные моменты) аспекте.

В-третьих, сама западная традиция в представленном виде неоднородна, в том случае, когда ее сводят только к такому результату, как частная собственность в указанном выше виде (сообразно определению Пайпса), она отнюдь не представляет собой всеобъемлюще универсального смыслового поля. Более того, развитие западной индустриальной цивилизации приводит к переосмыслению и модификации ее кажущихся священными прав собственности и свободы заключения сделок (об этом — ниже).

Наконец, в-четвертых, частное и всеобщее, свое и чужое в составе собственности в расширенном понимании обратимо. Формула античной классики — доминанта всеобщего в границах такой обратимости: «Лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим», что «освящено обычаями и упорядочено правильными законами» (Аристотель, 1983, с. 410)⁹. В платоно-

---

⁸ Гегель рассматривает свободу частной собственности и ее защиту как единый смысловой блок, говоря о том, что одним из необходимых моментов гражданского общества является «свобода и защита частной собственности при помощи правосудия (Гегель, 1990, с. 223).

⁹ В античном обществе обязательной предпосылкой собственности была принадлежность к гражданской общине: только свободный гражданин («достойный муж») являлся полноправным собственником земли. Между тем только гражданской общине принадлежало *верховное право* распоряжения всей земельной собственностью и контроля над ней. Отсюда *традиционалистское* стремление к равенству наделов. Для более полной характеристики аристотелевской позиции приведем цитату из связанного с нею текста: «Немалые преимущества имеет... тот способ пользования собственностью, *освященный обычаями и упорядоченный правильными законами, который принят теперь* (курсив мой. — А. Ч.): он совмещает в себе хорошие стороны обоих способов, которые я имею в виду, именно общей собственности и собственности частной. Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные

вом «Государстве» и вовсе речь идет о том, что главным условием справедливости в гражданской общине (т. е. стержнем морально-политического единства полиса) является ее близкородственный, братский характер (см.: Платон, 1971, с. 201–262), по причине чего, как можно понять, чужие приобретения и утраты переживаются как *свои*; *общее*, таким образом, выступает здесь как синтез *своего* и *чужого*. Цицерон употребил для обозначения сферы всеобщего знаменитую формулу: *est respublica res populi*, где *res* — термин юридический, с помощью которого общее политическое достояние (собственность народа — всех и каждого) отделяется от собственности отдельного лица (*privatus*)¹⁰. Позиция Цицерона близка аристотелевской, согласно которой политика — своего рода компенсатор имущественного неравенства, сохраняющий общность гражданского коллектива, благодаря тому, что в этой сфере происходит обмен властными полномочиями. При таком порядке получается подобие того, что «равные уступают по очереди свое место равным, будто они подобны друг другу и помимо равенства во власти; одни властвуют, другие подчиняются, поочередно становясь как бы другими» (Аристотель, 1983, с. 405).

Заметим также, что общее во всех вышеприведенных случаях — это маркер тех черт владельца, которыми обладают все члены данного сообщества. Здесь для нас становится значимой семантика слова «собственность». Английское *property*, как и французское *propriete* этимологически восходят к латинскому *proprius* в значении «свойственный данному человеку, лично ему присущий», на этой основе византийская юриспруденция выработала термин *proprietas*, или «собственность» (см.: Пайпс, 2000, с. 14). Смысловая конструкции немецкого *Eigenschaft* и русского *собственность* аналогична; в последнем случае русское

нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит; благодаря же добродетели в использовании собственности получится согласно пословице «У друзей все общее». <...> И в настоящее время в некоторых государствах существуют начала такого порядка, указывающие на то, что он в основе своей не является невозможным; особенно в государствах, хорошо организованных, он отчасти осуществлен, отчасти мог бы быть проведен: имея частную собственность, человек в одних случаях дает пользоваться ею своим друзьям, в других — представляет ее в общее пользование. Так, например, в Лакодемоне каждый пользуется рабами другого как своими собственными, точно так же конями и собаками, и в случае нужды в съестных припасах — продуктами на полях государства. Таким образом, очевидно, лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим» (Аристотель, 1983, с. 410).

¹⁰ Изначально термин *res*, подобно древневерхнемецкому *thing* (*dinc*; ср. с совр. *Ding*), «означает собрание, а именно вече для обсуждения обстоятельства, о котором зашла речь, спорного случая. Соответственно эти древние немецкие слова, *tiling* и *dinc*, становятся названием положения дел; они именуют то, что тем или иным образом касается, задевает человека, о чем, собственно, идет речь. То, о чем идет речь, римляне называют *res*; *εἶρω*... значит по-гречески «говорить о чем-либо, совещаться об этом»; *res publica* означает не «государство», а то, что заведомо касается каждого в народе, «захватывает» его и потому становится делом общественного обсуждения» (Хайдеггер, 1993, с. 321). Этот термин употребляется также как юридический, обозначающий вещь, предмет, используемый человеком. В рамках данного определения *res* — общее достояние, понимаемое как предмет, используемый гражданской общиной, *civitas Romana*, а народ, *populus*, выступает как юридическое лицо.

слово восходит к древнерусскому *собъство* — «свойство, своеобразие, сущность» (см.: Фасмер, 1971, с. 704).

Иными словами, этимологически и политически значимым является то, что семантика рассматриваемого понятия шире, нежели его чисто правовое содержание, определенное в наивысшей точке своего развития как «частная собственность». В. В. Биbihин в связи с этим акцентирует внимание на сущностном, первичном смысле и ощущении *своего*, говоря о «напряженной полярности» данного смысла по отношению к понятию *собственного*. «Глубже значения физической и юридической принадлежности эти понятия несут смысл подлинного, родового, родного, интимного, т. е. такого, что не находится во владении лица, а, наоборот, владеет им. Нестабильность юридической принадлежности, особенно дающая о себе знать при революции, широкой реформе общества, войне, объясняется прежде всего растущим напором сущностного ощущения собственности» (Биbihин, 2012, с. 5).

Если говорить о современной трансформации института собственности, то нам кажется заслуживающей внимания интерпретация советского опыта Пола-ньи. Он пишет: «Внутри государств мы наблюдаем ныне следующий процесс: экономическая система перестает диктовать законы обществу; напротив, общество утверждает свой примат над этой системой. Это может достигаться бесконечно разнообразными методами — демократическими и аристократическими, конституционными и авторитарными, или даже такими средствами, которые сейчас мы совершенно не в силах предвидеть. Будущее одних стран может уже теперь стать настоящим других; некоторые страны могут все еще воплощать прошлое остальных наций. Но конечный итог всюду окажется сходным: рыночная система перестанет быть саморегулирующейся даже в теории, ибо она уже не будет включать в себя труд, землю и деньги. <...> Ясно, что в результате этих мер сам институт собственности претерпевает глубокие изменения, ибо теперь уже нет никакой нужды позволять расти до бесконечности доходам от права собственности для того только, чтобы обеспечить в данном обществе использование его ресурсов, производство и занятость» (Поланья, 2002, с. 271, 272).

Литература

- Аверинцев С. С. Византия и Русь. Два типа духовности. Статья вторая. Закон и милость // Новый мир. 1988. № 9. С. 227–239.
- Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ; ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с.
- Биbihин В. В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 34. 584 с.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 4. 616 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. Т. 46. Ч. 1. 317 с.
- Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 415 с.
- Платон. Сочинения: в 3 т. / под ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. 687 с.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

Рубаник В. Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии: в 3 т. М.: Юрлитинформ, 2010. Т. 1. 424 с.

Сталин И. В. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1951. Т. 13. 428 с.

Фасмер М. Собственный // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. С. 704.

Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

Schwab D. Eigentum // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von Otto Brunner. Bd. 2. E-G / 4. Aufl. Stuttgart: Klett-Gotta, 1998. S. 65–115.

Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden / Band Hrsgg. v. W. J. Mommsen u. D. Dahmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1989. S. 267–279.

Чанышев Александр Арсеньевич — канд. филос. наук, доц.; chanishev@bk.ru, polittheory@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25 декабря 2017 г.;

рекомендована в печать: 15 марта 2018 г.

Для цитирования: Чанышев А. А. Октябрьская революция 1917 г. и обобществление собственности (политико-философский аспект) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14. № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.102>

THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AND PROPERTY SOCIALIZATION (POLITICAL-PHILOSOPHICAL ASPECT)

Alexander A. Chanyshv

Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of International Affairs of Russia,
76, Vernadsky pr., 119454, Moscow, Russia;
chanishev@bk.ru, polittheory@mail.ru

It generally features the logic of socialism as concerns the need to change the form of ownership and describes the historical situation at the beginning of the 20th century, where the Bolshevik leadership viewed socialisation as a pressing task of the post-October political practice. At the same time, the situation predetermined the radical approach to ownership in Russia. The fact that such attitude to ownership was 'a historical mistake' is questioned as it contradicts the effectiveness of implementing socialism in the USSR. The objective is put to define the positive motivational code triggered by socialisation and socialist reforms in general. For this purpose, the key milestones of the genesis of the institute of ownership, the essence of which form the semantics of the respective notion, are presented, and a series of historical theoretical ownership concepts are considered. The attempt is made to specify the notion of property. The conclusion is that the notion of property is broader than that of private property because, in particular, the initial, original meaning of 'one's own' (something not owned by a person, but, on the contrary, possessing a person) goes beyond physical and legal ownership. This very deep concept of 'one's own' seems to have been the motivational code and the semantic rationale for legitimation of property socialisation in the framework of social revolution triggered by the October Revolution of 1917.

Keywords: property, ownership, private property, property socialisation, Western law tradition, market economy, public control of the economic system.

References

Aristotle. *Sochineniia: v 4 t. [Opus: in 4 vol.]*. Total. ed. A. I. Dovatur. Moscow, Thought publisher, 1983, vol. 4, 830 p. (In Russian)

Averintsev S. S. Vizantiia i Rus'. Dva tipa dukhovnosti. Stat'ia vtoraiia. Zakon i milost' [Byzantium and Russia. Two types of spirituality. Article the second. Law and grace]. *Novyj mir [New world]*, 1988, no. 9, pp. 227–239. (In Russian)

Berman G. Dzh. *Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia [The Western tradition of law: the era of formation]*. Moscow, Moscow University press, INFRA-M, NORMA, 1998, 624 p. (In Russian)

Bibikhin V. V. Sobstvennost'. Filosofii svoego [*Property. The philosophy of his own*]. St. Petersburg, Science, 2012, 536 p. (In Russian)

Fasmer M. Sobstvennyi [Private]. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological dictionary of Russian language]*. Moscow, Progress, 1971, vol. 3, p. 704. (In Russian)

Gegel' G. V. F. *Filosofii prava [Philosophy of law]*. Moscow, Thought publisher, 1990, 524 p. (In Russian)

Heidegger M. Veshch' [The Thing]. Haidegger M. *Vremia i bytie: stat'i i vystupeniia [Time and being: Articles and speeches]*. Moscow, Republic, 1993, pp. 316–326. (In Russian)

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*, 5th ed. Moscow, Publ. house of political literature, 1969, vol. 34, 584 p. (In Russian)

Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]*. Moscow, Gnosis, Progress, 1992, 272 p. (In Russian)

Marx K., Engels F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Publ. house of political literature, 1955, vol. 4, 616 p. (In Russian)

Marx K., Engels F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Publ. house of political literature, 1955, vol. 46, part 1, 317 p. (In Russian)

Pipes R. *Sobstvennost' i svoboda [Property and Freedom]*. Moscow, Moscow school of political studies, 415 p. (In Russian)

Plato. *Sochineniia: v 3 t. [Opus: in 3 vol.]*. Ed. by V. F. Asmus. Moscow, Thought publisher, 1971, vol. 3, part 1, 687 p. (In Russian)

Polanyi K. *Velikaia transformatsiia: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]*. St. Petersburg, Aleteiia, 2002, 320 p. (In Russian)

Rubanik V. E. *Sobstvennost' i pravo sobstvennosti: iuridicheskie, filosofskie, sotsiologicheskie, ekonomicheskie podkhody v ikh istoricheskom razvitii: v 3 t. [Property and ownership rights: legal, philosophical, socio-logical, economic approaches in their historical development: in 3 vol.]*. Moscow, lurlitinform, 2010, vol. 1, 424 p. (In Russian)

Schwab D. Eigentum. *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Hrsg. von Otto Brunner. Bd. 2. E-G / 4. Aufl. Stuttgart, Klett-Gotta, 1998, S. 65–115.

Stalin I. V. *Sochineniia [Works]*. Moscow, Publ. house of political literature, 1951, vol. 13, 428 p. (In Russian)

Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. Weber M. *Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden*. Band Hrsgg. v. W. J. Mommsen u. D. Dahlmann. Tübingen, Mohr (Siebeck), 1989, S. 267–279.

For citation: Chanyshv A. A. The October Revolution of 1917 and property socialization (political-philosophical aspect). *POLITEX: Political Expertise*. 2018, Vol. 14, no. 1, pp. 18–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.102> (In Russian)